

Текст 1

Андроников Ираклий Луарсабович

В Боткинской больнице в Москве мне пришлось как-то лежать в одной палате с замечательнейшим актером и замечательным человеком — народным артистом СССР Александром Алексеевичем Остужевым. Если вам не случалось видеть его на сцене, то уж наверно доводилось слышать о его необыкновенной судьбе.

Много лет назад, еще до революции, молодой артист московского Малого театра Александр Остужев, наделенный талантом, благородной внешностью, сценическим обаянием, великолепными манерами, поразительной красотой голосом, заболел. И в несколько дней потерял слух. Навсегда. Почти полностью. Планы, надежды, будущность, слава — казалось, все рухнуло!

Жить без театра! О нет! Остужев убедил себя в том, что можно дойти до таких степеней совершенства, когда глухота не будет страшна ему. Он знал себя, он рассчитывал на силу воли, на упорство свое, на всепреодолевающий труд. Он верил в дружбу, верил в Малый театр!

И остался актером.

Чтобы сыграть в спектакле роль, даже самую крохотную, он выучивал наизусть всю пьесу. Чего стоило ему произносить свои реплики вовремя, поддерживая живой диалог, делая вид, что он слышит партнеров! Забудь он свой текст — ни один суфлер мира не помог бы ему, как кривое колесо шел бы такой спектакль до конца акта.

Любовь к театру превозмогла все!

Фамилия Остужева появлялась на афишах театра в продолжение многих лет. И стояла она не в конце среди лиц без речей, а в начале. Он играл бурных героев Шиллера и Гюго, Скупого рыцаря Пушкина, шекспировского Антония, Чацкого.

Подолгу рассказывал мне старый актер о былой театральной жизни.

— Тот, кто не видел Ермолову на сцене, — начинает Остужев голосом легким и звучным, который отличишь среди тысячи, — кто не видел ее, никогда не поверил бы, что она способна потрясать души...

Она была скромна, молчалива, замкнута — слепое неверие в сноп силы.

Надо играть спектакль. Шел уже множество раз. Сама не своя. С утра за кулисами. Чтобы не опоздать к вечеру. И пошла вымеривать шагами доски пола, считать шляпки гвоздей. Сжимает холодные виски ледяными ладонями. В полном отчаянии. Сегодня она поняла окончательно: у нее нет никакого таланта. А когда выйдет на сцену — вдобавок ко всему забудет текст роли. Суфлер ей подскажет, а она не расслышит. И тогда наконец все поймут, что она пользуется незаслуженной славой. Ходит, произносит шепотом монологи, трепещет от любви, идет па казнь, обращает к миру последние слова. Вся в слезах. Так — до вечера...

Ничего не ела весь день. Загримирована и одета за час до спектакля. Сжатые руки опущены. Одни зрачки вместо глаз. Какая-то магнетическая сила исходит от ее лица, от всей ее благородной фигуры. Вот встала в кулисе. Вышла на сцену... И зал ударяет током!.. Все, что сидело, развалившись и облокотившись, поднимается, как под ветром... Произнесла своим грудным голосом первые фразы — все устремилось вперед, как к источнику света?... Закончила монолог — и на многих лицах блистают слезы!..

Не потому, что она сказала что-нибудь жалкое! Или растрогала! Нееееет!.. — вскрикивает Остужев, словно пронзенный. — Нет! Потому что она приобщала к рождению искусства!.. Я играл с ней Незнамова в пьесе Островского «Без вины виноватые»... Мне трудно бывало произносить текст моей роли: я плакал настоящими слезами...

В глазах его появляется отблеск тех слез; он переводит взгляд в окно и молча рассматривает зеленый больничный сад и вечеряющее московское небо.

— Великая женщина! — произносит он наконец, вернувшись взглядом в палату. Молчим. — Я прожил счастливую жизнь, дорогой!.. Более полувека я играл в Малом театре. У меня были замечательные учителя. У меня были замечательные друзья.

Ираклий Луарсабович **Андроников** (1908 —1990) — русский советский писатель, литературовед, мастер художественного рассказа, телеведущий.

Текст 2

Короленко Владимир Галактионович

В угловой башне была келья испанской военной тюрьмы. Кто-то посмотрел оттуда на темное море и отошел. Это был мятежник, в прошлое восстание испанцы взяли его в плен и приговорили к смерти, но затем помиловали. Ему подарили жизнь, то есть привезли на этот остров и посадили в башню. Здесь с него сняли оковы. Они были не нужны: стены были из камня, в окне - толстая железная решетка, за окном - море.

Первое время он подолгу вглядывался в очертания родных гор, в выступавшие неясными извилинами ущелья, в чуть заметные пятнышки далеких деревень... Он ждал, что в горах опять засверкают огоньки выстрелов, что по волнам понесутся паруса с родным флагом возмущенья и свободы. Он готовился к этому и терпеливо, осторожно, настойчиво долбил камень около ржавой решетки.

Но годы шли. Понемногу все прошлое становилось для него, как сон. Пленник успокоился, даже на дальний берег он смотрел уже с тупым равнодушием и давно уже перестал долбить решетку... К чему?..

Только когда поднимался восточный ветер и волны начинали шевелить камнями на откосе маленького острова, в глубине его души, как эти камни на дне моря, начинала глухо шевелиться тоска, неясная и тупая. И в глубине его души поднималось тяжелое, темное волнение.

Порой в такие ночи он опять царапал стену около решетки. Но в первое же утро, когда море, успокоившись, ласково лизало каменные уступы острова, он также успокаивался и забывал минуты исступления...

Так прошли еще годы, которые казались уже днями. Его жизнь уже вся была сном, тупым, тяжелым и бесследным.

... В ту ночь пленник вдруг сразу проснулся, точно кто назвал его по имени. Это шквал, перелетев целикам через волнолом, ударил в самую стену. Он почувствовал, что все внутри его дрожит и волнуется, как море. Душа просыпается от долгого сна, проясняется сознание, оживают давно угасшие желания... Он кинулся к решетке и, в порыве странного одушевления, сильно затряс ее. Посыпались известь и щебенка, разъединенные солеными брызгами, упало несколько камней, и решетка свободно вынулась из амбразуры.

Шквал налетел как раз в ту минуту, когда он выскочил из окна. Нет, море обманчиво и ужасно. Он войдет в свою тихую келью, наложит решетку, ляжет в своем углу на свой матрац и заснет тяжелым, но безопасным сном неволи. Надо будет только тщательно заделать решетку, чтобы не заметил патруль...

Нет, он не хочет бежать... На море гибель... Он схватился руками за карниз, поднялся к окну и остановился...

Ровный желтоватый свет фонаря падал на стены, на вытоптанный пол, на матрац, лежавший в углу... Над изголовьем, вырезанная глубоко в камне, виднелась надпись: " Да здравствует свобода!"

Новый шквал с воем и грохотом налетал на остров... Пленник отпустил руки и опять спрыгнул на берег.

Часовой на стене повернулся к морю и замер в удивлении. Вдоль бухты, чуть заметная в темноте, двигалась лодка. Внезапно белый парус взвился и надулся ветром. Лодка качнулась, поднялась и исчезла...

Кипучий восторг переполнил застывшую душу пленника. Он крепче сжал руль и громко крикнул... Это был крик неудержимой радости, безграничного восторга... Он знал, что он свободен, что никто в целом мире теперь не сравняется с ним, потому что все хотят жизни... А он... Он хочет только свободы.

А наутро солнце опять взошло в ясной синеве. Тяжелые волны все тише бились о камни, сверкая на солнце яркими, веселыми брызгами.

Кучка испанцев стояла на стене форта.

- Наверное, погиб,- сказал один... - Это было чистое безумие

- Да, вероятно, погиб,- ответил молодой офицер он.- А может быть, смотрит на свою тюрьму с этих гор. Во всяком случае море дало ему несколько мгновений свободы. А кто знает, не стоит ли один миг настоящей жизни целых годов прозябанья!..

Паустовский Константин Георгиевич

Когда Пётр Терентьев уходил из деревни на войну, маленький сын его Стёпа подарил на прощание старого жука-носорога. Поймал его на огороде и посадил в коробок от спичек. Носорог сердился, стучал, требовал, чтобы его выпустили. Пётр Терентьев погладил Стёпу по головке шершавой рукой и спрятал коробок с жуком в сумку от противогаса.

— Только ты его не теряй, сбереги, — сказал Стёпа.

— Уж как-нибудь сберегу, — ответил Пётр.

Однажды ночью Пётр в окопе задремал, выронил коробок с жуком из сумки. Жук долго ворочался, раздвинул щель в коробке, вылез, пошевелил усиками и полез на куст бузины на краю окопа, чтобы получше осмотреться. Такой грозы он ещё не видал. Молний было слишком много. Звёзды не висели неподвижно на небе, как у жука на родине, а взлетали с земли, освещали всё вокруг ярким светом, дымились и гасли. Гром гремел непрерывно.

Какие-то жуки со свистом пронеслись мимо. Один из них так ударил в куст бузины, что с него посыпались красные ягоды. Старый носорог упал, прикинулся мёртвым. Он понял, что с такими жуками лучше не связываться, — уж очень много их свистело вокруг.

Так он пролежал до утра, пока не поднялось солнце. Утром Пётр хватился жука, начал шарить кругом по земле.

— Ты чего? — спросил сосед-боец.

— Жук ушёл, — ответил Пётр с огорчением. — Вот беда!

— Нашёл об чём горевать, — сказал загорелый боец. — От него солдату никакой пользы нет.

— Дело не в пользе, — возразил Пётр, — а в памяти. Сынишка мне его подарил напоследок. Тут, брат, не насекомое дорого, дорога память.

Старый носорог услышал голос Петра, зажужжал, поднялся с земли, перелетел несколько шагов и сел Петру на рукав шинели. Пётр обрадовался, засмеялся, а загорелый боец сказал:

— Ну и шельма! На хозяйский голос идёт, как собака. Насекомое, а котелок у него варит.

С тех пор Пётр перестал сажать жука в коробок, а носил его прямо в сумке от противогаса.

Однажды жук проснулся от сильной тряски. Сумку мотало, она подсакивала. Жук быстро вылез, огляделся. Пётр бежал по пшеничному полю, а рядом бежали бойцы, кричали «ура». Чуть светало. На касках бойцов блестела роса.

Жук сначала изо всех сил цеплялся лапками за сумку, потом сообразил, что всё равно ему не удержаться, раскрыл крылья, снялся, полетел рядом с Петром и загудел, будто подбодряя Петра.

Вдруг Пётр упал на землю и крикнул кому-то: «Вот незадача! В ногу меня задело!». Месяц Пётр пролежал в лазарете, потом снова ушёл на фронт. Часть свою он догнал уже в Германии. Дым от тяжёлых боев был такой, будто горела сама земля и выбрасывала из каждой лощинки громадные чёрные тучи. Солнце меркло в небе. Жук, должно быть, оглох от грома пушек и сидел в сумке тихо, не шевелясь.

Но как-то утром он задвигался и вылез. Дул тёплый ветер, уносил далеко на юг последние полосы дыма. Чистое высокое солнце сверкало в синей небесной глубине. Было так тихо, что жук слышал шелест листа на дереве над собой. Пётр засмеялся и сказал:

— Победа!

Вскоре после этого Пётр вернулся домой. Жена закричала и заплакала от радости, а Стёпа тоже заплакал и спросил:

— Жук живой?

— Живой он, мой товарищ. Не тронула его пуля, воротился он в родные места с победителями. И мы его выпустим с тобой, Стёпа, — ответил Пётр.

Пётр вынул жука из сумки, положил на ладонь.

Жук долго сидел, озирался, поводил усами, потом приподнялся на задние лапки, раскрыл крылья и вдруг взлетел с громким жужжанием — узнал родные места. Он сделал круг над колодцем, над грядкой укропа в огороде и полетел через речку в лес, где аукались ребята, собирали грибы и дикую малину.

Трифонов Юрий Валентинович

Как-то морозным днем Глебов сидел в комнате Левки Шулепы, играли в шахматы, и вдруг зашел Левкин отец. Старшего Шулепникова Глебов видел редко, раза три или четыре за всю жизнь. Левка говорил, что батя работает круглые сутки, дома не бывает и даже спит на работе. Левка называл его батей, хотя он был Левкин отчим, а настоящий отец со странной двойной фамилией умер или же как-то таинственным образом исчез из Левкиной жизни. Таких блеклых, неподвижных лиц Глебов у людей не видел. Ходил Левкин отчим в серой гимнастерке, подпоясанной тонким, в серебряных украшениях кавказским ремешком, в серых галифе и в сапогах. И вот он вошел в комнату, спросил:

– Глебов Вадим – это, кажется, ты?

Глебов кивнул.

– Пойдем на минуту со мной.

Глебов заколебался. Ему не хотелось бросать партию в выигрышном положении – с двумя лишними конями.

– Все! Ничья! – крикнул Левка и смешал фигуры.

Удрученный, думая о том, какой Шулепа хитрый и несправедливый человек, Глебов шел вслед за его отчимом в кабинет.

– Садись!

Глебов сел в кожаное темно-вишневое кресло, такое мягкое, что он сразу как будто провалился в яму и слегка испугался, но быстро пришел в себя и нашел удобное положение. Левкин отчим сказал:

– Скажи мне, Вадим, кто был зачинщиком бандитского нападения на моего сына Льва в школьном дворе?

Глебов обомлел. Он никак не ожидал такого вопроса. Ему казалось, что та история давно забыта, ведь прошло несколько месяцев! Он тоже был зачинщиком, хотя в последнюю минуту решил не принимать участия. Но кто-нибудь мог рассказать. Все это Глебов сразу сообразил и немного струсил. Видя, что Глебов смутился и молчит, Шулепников сказал строго:

– Это не просто так, не пустяки – напасть на моего сына. Дело тут групповое, но должны быть зачинщики, организаторы. Кто они?

Глебов пробормотал, что не знает. Ему было не по себе. До такой степени не по себе, что что-то заныло и заболело в низу живота. Отчим Шулепы не походил на злого человека, не кричал, не ругался, но в его тихом голосе и взгляде светлых навывкате глаз было что-то такое, (что становилось неуютно сидеть напротив него в мягком кресле.)

Глебов мучился, колебался, язык не двигался, смелости не хватало, и так они сидели некоторое время молча, как вдруг случилось непредвиденное: в животе Глебова громко, явственно забурчало. Это было так неожиданно и стыдно, что Глебов сжался, втянул голову в плечи и замер. Бурчание не стихало. Но Левкин отчим не обращал на него внимания. Он сказал:

– Видишь ли, у Льва есть большой недостаток – он упрям. Уперся и не хочет давать показаний из ложного чувства товарищества. А ты знаешь, наверно, что он не родной мой сын и это усложняет дело, потому что я не могу, скажем, применить меры воздействия. Что же делать? Ты обязан помочь, Вадим. Тебе двенадцать лет, ты взрослый человек и понимаешь, как все это серьезно. Это очень, очень серьезно! – И он поднял внушительно палец.

Бурчание в животе прекратилось, но Глебов боялся, что оно возобновится каждую секунду. От этого страха он и выпалил: назвал Медведя, который действительно был главный подбивала и которого Глебов не любил, потому что тот, пользуясь своей силой, иногда давал ему без всякого повода подзатыльники, и назвал Манюню, известного жадину. В общем-то он поступил справедливо, наказаны будут плохие люди. Но осталось неприятное чувство – как будто он, что ли, кого-то предал, хотя он сказал чистую правду про плохих людей, – и это чувство не покидало Глебова долго, наверно, несколько дней.

Юрий Валентинович Трифонов (1925-1981) — русский советский писатель, мастер «городской» прозы.